

Глава 4

МИФЫ И ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Мифы, как и любой комплекс культурного наследия прошлых эпох, подчиняются той закономерности, по которой старое сменяется новым. Суть этой закономерности сводится к тому, что новое не изменяет старое внезапно и не уничтожает его полностью. Более того, можно сказать, что новое зарождается как незначительное изменение в каком-либо «элементе» старого и, разрастаясь в борьбе со старым, использует «элементы» старого, в той или иной мере меняя их смысл. Таким образом, создается та «многослойность», которая обнаруживается в любом культурном комплексе, имевшем длительную традицию. Это обстоятельство дает возможность использовать «следы» различной степени древности для реконструкции развития и самого культурного комплекса и причин (т. е. другого комплекса), его породивших и менявших. Разумеется, что «следами прошлого» может быть только то, что по какой-то случайности сохранило «старую форму» и приобрело новый смысл, который не может быть понят исходя из этой «формы». Чаще всего эти «следы старого» называют темными или непонятными местами (соотношениями, характеристиками, предметами — смотря по тому, к какой среде человеческой культуры относится исследуемый комплекс). В подобных обстоятельствах наиболее вредными оказываются (сознательные или невольные) объяснения «темных мест» исходя из логики нашего времени. Эти «объяснения», в силу их понятности «каждому» широко распространяются и легко укореняются, создавая устойчиво ложное представление о прошлом, и не только искажают это прошлое, но и уничтожают ту исключительную ценность для этно-социальной истории, которой обладают эти «следы». Ценность их понять просто — этно-социальная история не имеет иных материалов, кроме «следов» в фольклоре, мифологии, этнических сказаниях и т. п. (включая авторские переложения и этнографические записи), а также в обрядовых действиях и традиционном изобразительном искусстве.

Как правило, в «объеме» отдельно взятого памятника эти «следы» являются собой несколько мелких и отдаленных друг от друга фрагментов чего-то еще более древнего, и нередко взгляд исследователя, имеющего иные задачи, скользит, не замечая их. Даже в том случае, когда фрагменты довольно крупны, замечают в первую очередь их неслаженность с остальным материалом и либо пытаются усиленно преодолеть эту «неслаженность», либо оставляют без комментариев. Очень редки случаи, когда непонятный фрагмент оказывается достаточно крупным, чтобы почувствовать

в нем «сегмент» какой-то неясной структуры. И уж совершенной редкостью, счастливой случайностью, оказывается находка такого фрагмента, где достаточно отчетливо видны и принцип структурной связи элементов, и место этой структуры в той древней действительности, от которой этот фрагмент сохранился.

Такой счастливый случай произошел довольно давно, когда в руки европейских исследователей попала рукопись эфиопского монаха Бахрея, содержащая некоторые сведения о жизни и обычаях галла¹ XVI века н.э. Это было описание возрастной структуры общества галла. То, что это «описание» было, несмотря на значительный объем, только «фрагментом» (т. е. «следом» чего-то необычного), показала дальнейшая история этих ценнейших сведений. Появилась более или менее обширная литература по изучению возрастных делений (возрастных классов), поскольку обнаружались (главным образом в Восточной Африке) и «живые» элементы этого деления. Но произошло нечто похожее на плавание детей капитана Гранта по 37 параллели — система изучалась сама по себе, как изолированное явление. Причину такого результата была невнимательность исследователей к сведениям Бахрея: учитывали только одну их сторону, т. е. деление галла на возрастные группы.

Между тем Бахрей сообщил и вторую «координату» — родственные соотношения между возрастными группами. Затемненность этого огромного «фрагмента» произошла из-за стремления исследователей найти объяснения исходя из принципа кровного (т. е. физиологического) родства. Это не давало стройных результатов, и, таким образом, «вторая координата» постепенно выпала (или почти выпала) из поля зрения исследователей.

Суть же сообщения Бахрея сводилась к следующему. Общество галла XVI-го столетия, явно доклассовое (что с абсолютной ясностью следует из бахреевского же описания хозяйства), свою социальную структуру основывало не на кровном (физиологическом) происхождении своих членов, а использовало в качестве структурной единицы группу индивидов мужского и женского пола, формируемую в течение 8 лет, независимо от реального физиологического происхождения этих детей. Так поступали каждые 8 лет, что создавало непрерывную и «бесконечную» цепь условно-одно-возрастных единиц, поскольку одновременно с формированием новой группы (т. е. дискретно каждые 8 лет) все предшествующие группы «перемещались» на один возрастной статус (т. е. становились старше). Каждой новой сформированной группе условных сверстников давалось особое «имя» (можно сказать — тотемическое имя-символ). Таких «имен» для мужских групп было 5 (а для женских групп, параллельно мужским — 4;

¹ Современное название этого народа — оромо. — *Прим. ред.*

что, однако, стало ясно не сразу), после чего «набор» этих «имен» повторялся в том же порядке. Таким образом, 5 возрастных групп, «маркированных» соответствующими «именами», составляли структурную единицу общества на следующем уровне, т. е. некое «колено» одновозрастных элементарных единиц, которое охватывало 48 лет (5 групп по 8 лет формирования). За пределом 48 лет возрастные группы «распадались» («оставляли имя», как говорит Бахрей), но одновременно с этим «уходящие» вводили в систему новую группу (достигших 8 условных лет), получающую «имя». Соотношение между группой, «оставляющей имя» (48 лет), и группой, «получающей имя» (8 лет), Бахрей передал словами «отцы»–«сыновья», с разницей в возрасте в 40 лет. Это и была та вторая «координата» в структуре социальной системы галла XVI века, значение которой исследователи и этого документа, и самого социального явления в целом не оценили должным образом. А в этой маленькой детали «пряталось» единственное во всей обширнейшей (к нашему времени) литературе о доклассовых социальных структурах реально-материальное описание принципа так называемых «классификационных» связей по родству. Бахрей совершенно четко, хотя и невольно (он, естественно, не мог знать о теоретической этнографии, возникшей в середине XIX в.), сообщил нам суть и «объем» того, что только и могло стоять за «классификационным», т. е. обозначающим не одного индивида, а группу «однозначных», термином «родства».

Действительно, если взять за элементарную единицу социальной доклассовой структуры возрастную группу (т. е. группу условных сверстников), то, помимо ее «тотемического имени», у нее будут и другие названия, при помощи которых она будет соотнесена с другими возрастными группами. Так, согласно Бахрею, только что сформированная группа «детей» (8 лет, «имена» у женской и мужской части разные) будет иметь группу «отцов» (48 лет). Нетрудно понять, что должна быть и группа «матерей», и что она на один возрастной статус моложе группы «отцов» (т. е. 40 лет). И это соотношение много конкретней (и, как теперь говорят, «конструктивнее»), чем таковые же «родственники», если родство понимать как физиологическое происхождение. В таком случае в группу, обозначенную одним термином родства — например, «дети» — будут входить индивиды в возрасте от одного года до 50–60 лет, в группу родителей — с возрастом от 18–20 до 70–80 лет, т. е. большое число дискретных, но ни в чем не однозначных физиологических «комбинаций», из которых нельзя составить практически оправданную систему. В то же время структура, связанная отношениями «классификационных» терминов «родства», но состоящая из возрастных групп (где физиологическое происхождение совсем не учитывается), являет собой простое и стройное «сооружение», способное рационально (точнее — оптимально) использовать и физиологические возможности человеческого организма разного возраста в трудовых про-

цессах, и столь же организованно (т. е. в соответствии с принадлежностью к возрастным группам и в соответствующих статусах) воспроизводить само общество, а, кроме этого, создать условия организованного и постепенно (соответственно смены возрастных статусов) освоения всего объема традиции труда и культуры в целом. Иными словами, физическая реальность общества, организуемого кровнородственными (физиологическими) отношениями только по нормам классификационной системы терминов родства, есть научный фантом, созданный тем обстоятельством, что «классификационный» характер терминологии какое-то время сохраняется и после разрушения системы возрастных групп. А эта система существует только до тех пор, пока у конкретного общества сохраняется основа, ее породившая, т. е. общность, неделимость и неотчуждаемость территории жизнеобеспечения и расселения. В случае разрушения (вследствие внутреннего развития общества или в результате мощного внешнего воздействия) одного или всех этих принципов, возрастная структура разрушается, и «на поверхности» остаются отношения физиологического происхождения, на базе которых в определенных случаях могут формироваться новые формы социальных отношений — кровнородственные, но это большей частью происходило в сложной и тяжелой борьбе старой и новой традиций и заканчивалось только тогда, когда в значениях терминов родства не оставалось ничего от их бывшего группового значения, и они становились «индивидуальными». Только в таком значении они могли стать базой для выражения социальных связей по кровному родству, т. е. отразить правовые и функциональные отношения индивидов — членов генеалогического линейного кровнородственного правового «коллектива», обладающего отделенной от других таких «коллективов» собственной «территорией» жизнеобеспечения, и возводящего свое право на эту собственность к живому или уже умершему «родоначальнику». Но это уже был правовой «коллектив» не доклассового общества, а общества самой первой стадии раннеклассового, поскольку неоднозначность родовой собственности ставила отдельные роды в позицию имущественной иерархии (даже в таких случаях, когда различия в родовой собственности не были велики, и сама собственность не была столь уж значительна).

Дальнейшие изменения в жизни таких обществ могли идти либо по линии дальнейшего имущественного расхождения и классовобразования (и все сведения о них попадали в сферу деятельности историков), либо экологические или иные причины оставляли общество на долгое время в создавшемся положении (естественно, что такое общество, где имущественные различия кровнородственных правовых «коллективов» почти не заметны и собственность невелика, да еще сохранился «налет» классификационности в родственной терминологии, попадало в сферу деятельности полевых этнографов, которые воочию «видели» в нем живого пред-

ставителя «первобытного», т. е. доклассового общества). Однако в тех обществах, где имелась материальная база для относительно непрерывного восходящего развития, система организации и регулирования жизнедеятельности, опиравшаяся на традицию возрастных делений с «классификационными» нормами «родственных» связей, не прямо сменилась теми формами кровнородственных отношений, которые являют собой генеалогический линейный род. Давление предшествующей (возрастной) системы социально-правовых отношений было столь значительно, что новые кровнородственные отношения (призванные обеспечить кровнородственной группе право на отделенную от всеобщей некую «собственность») могли складываться и развиваться только при соблюдении основных принципов предшествующей социально-возрастной традиции, хотя и применительно к ограниченной группе индивидов: а) групповой характер правовой единицы; б) передача индивидуального права по статусу возраста, позже — порядка рождения; в) связи «полноправия» с возрастным статусом жестко направленного брака; г) сохранение внутри кровнородственной группы за терминами родства их прежнего группового значения.

Как следствие действия перечисленных принципов в пересечении с новым принципом кровно-физиологической связи членов конкретных правовых коллективов, «переходная система» могла сформироваться только как трехступенчатый (трехсегментный в каждом колене) аналог старой пятиступенчатой системы, не учитывавшей кровного происхождения индивида. Иначе можно сказать, что переходная трехступенчатая кровнородственная система — это выделение из пятиступенчатой системы индивидов-первенцев (того и другого пола), связанных кровно-физиологическим происхождением. Это был последний этап существования глубоко архаической возрастной системы социального родства, в которую «проник» новый, разрушающий ее изнутри, противоречащий ее безразличности к физиологическому происхождению индивидов, принцип кровного происхождения одного индивида от двух других. Но, тем не менее, это не был первый этап развития кровного линейного рода — его «мгновенному» появлению мешала традиция «группового права». Чтобы право стало индивидуальным и передавалось непосредственно от предка-индивида к потомку-индивиду (точнее, в теории — ко всем потомкам; на практике — к сыну-первенцу от отца), трехступенчатая структура должна была освободиться от организующих элементов возрастных отношений и от нормы «группового права», ставившего в «наследники» следующего по возрасту (или по порядку рождения) «брата», а не сына.

Как уже отмечалось, в неразрушенных обществах архаической формации каждая вновь организованная социально-возрастная группа получала свое «имя» («тотемическое имя»), и число таких «имен» было равным числу

возрастных статусов в «колене», затем эти «имена» повторялись в том же порядке. Сначала, пока число мужских и женских статусов в «колене» было одинаково (по четыре), все было очень просто. Но с появлением в мужской «линии» пятого статуса — воина и, соответственно, пятого «имени», осложнился порядок их взаимного «следования». Видимо, одновременно с этим изменением (а может быть, и ранее) появились своеобразные сжатые мнемонические «формулы» — перечни взаимного «следования» мужских и женских «имен» по статусам и правила «передачи» их в «колене» «социальных потомков». Собственно, такой «мнемоникой» и была та часть записи Бахрея, где изложена возрастная система галла XVI века. Есть еще две записи таких «мнемоник»: этнографическая — у васукума в Восточной Африке, и историческая — древнеирландская, в материалах о «законах бригонов». Фрагменты «мнемоник» встречаются довольно широко и часто (в исландском эпосе, в Ригведе и Махабхарате, в легендарной части древнерусских летописей, в суахилийских социальных легендах и т. п.). Сами по себе «мнемоники» не могут считаться литературными (точнее — фольклорными) произведениями, хотя они, вероятно, читались или пелись во время ритуалов. Однако, вне всякого сомнения, именно они послужили тем «затравочным кристаллом», от которого пошло развитие мифов и этноса как произведений устного, а потом и письменного творчества (с постепенной утратой социально-организующего значения и с нарастанием характера собственно литературных произведений легендарных или реальных авторов).

Следует заметить, что на первом этапе «добавления» к мнемоникам еще не были связаны с художественным творчеством. Они вызывались необходимостью привести мнемоническую «формулу» в соответствие с изменившейся социальной реальностью. Такая необходимость возникала неоднократно. По этой причине со временем уже сами мнемоники стали многослойными и как бы разбились на «сюжеты» (нередко отражающие «разное время»), а, кроме того, пополнились именами уже не «тотемическими», а необходимыми для отражения изменившихся соотношений, вплоть до включения исторических имен или имен легендарных родоначальников. Далее мнемоники утратили свое социально-правовое значение, будучи вытеснены генеалогиями линейных имущих родов, но еще долго составляли легендарное «начало» этих генеалогий. Видимо, в такой фазе их существования они или их фрагменты и начали бурно обрастать фантастическими «подробностями», превращаясь в мифические и эпические произведения, а далее — и в сюжеты авторских произведений.

Естественно, что мифы, эпические сказания и легенды многих народов, собиравшиеся как памятники устного или письменного литературного творчества, прежде всего подвергались литературоведческому изучению, и в этом направлении сделано соответствующими специалистами очень

многое, но это все не имеет никакого отношения к рассматриваемым здесь вопросам. Речь идет только о фрагментах архаических мнемоник, более или менее различимых сквозь литературный текст.

Древнегреческий миф об «аргонавтах»

В той его части, которая поясняет происхождение «золотого руна», есть достаточно древний фрагмент мнемоники — происхождение «реального» лица от бога. Сам по себе такой фрагмент не является редкостью в древнегреческих произведениях, но здесь он в относительно первичной форме, когда боги «поставлены» в позицию «исходных родоначальников». Весьма вероятно, что некогда так строилась «связь» поздних мнемоник с самыми ранними, т. е. с такими, которые перечисляли «тотемические имена» возрастных групп, «имена» возрастных статусов и нормы переходов — все то, что, «окаменев» в известной мере, получило иную функцию и составило «арсенал» мифов о богах.

Рассказ о том, откуда взялось золотое руно, построен на фрагменте мнемоники о том, что должен делать «сын» из «триады» (династийного «колена» трехступенчатой системы), если в триаде нет «сестры», которая должна стать его эпигамной женой, т. е. ввести его в «полноправие». Это — Фрикс, сын царя Афаманта, сына бога Эола. Возможно, что здесь отражен и еще один «момент» — появление запрета эпигамного брака с «сестрой», если в соответствующем статусе находится родная сестра этого мужчины. Итак, либо Гелла, дочь того же Афаманта, — «одновозрастная» сестра Фрикса, и тогда их брак абсолютно запрещен, либо Гелла на статус моложе Фрикса, но запрет учитывает их кровную близость. Любопытно и то, что мать Фрикса и Геллы (первая жена царя Афаманта) — Нефела — сама богиня («облако, приносящее дождь»). Вторая жена Афаманта — Ино, дочь Кадма, персонажа достаточно мифического, но не бога. Видимо, так отражалась меньшая значимость повторного брака-ритуала, дававшего «царю» (т. е. военному вождю) право на сохранение этого поста еще на время одного статуса (8 лет). Из этого следует, что у Афаманта по какой-то причине не было «брата», которому надлежало передать титул и должность, и он «правил» 16 лет. Далее, по норме в мнемонике, следовало править третьему «брату», а после него — Фриксу, если для них будут соответствующие жены-«сестры».

Если третьего «брата» не было (или оба они, второй и третий, не могли, из-за недостачи женщин в «триаде» быть иницированы), то царь Афамант мог бы еще на один статус продлить свой пост, вступив в брак-ритуал со своей старшей дочерью (т. е. с первой женщиной младшей «триады») Геллой, чем исчерпать совокупное правовое время своей триады — 24 года.

Повествование — полет Фрикса и Геллы на золотом баране и гибель Геллы — дает твердое основание считать Геллу на статус моложе Фрикса, т.

е. той женщиной, брак с которой дал бы ему титул царя. Вот почему центральный «герой» мнемоники не «золотой баран», а Фрикс, юноша на грани перехода в статус 24–32 года, лишенный в своей триаде возможности перейти этот рубеж. Видимо, по мнемонике он должен искать себе соответствующее место в чуждой триаде, где на «его месте» нет мужчины. И он находит его в триаде «детей» колхидского царя Эета, сына бога Гелиоса, вступая в брак-ритуал с его старшей дочерью Халкионой. Следует заметить, что и в своей триаде, и в чуждой, юноша по достижении 24 лет получал только формальное право на брак-ритуал, фактически это происходило после совершения им предписанных традицией «подвигов», доказывающих его реальное совершеннолетие. Кстати, именно этот разрыв во времени и создал в материалах ситуацию, вследствие которой время статуса выглядит очень разным в разных документах — от 4 до 12 лет.

Брак Фрикса и Халкионы — старшей дочери Эета, позволяет «внести» всех персонажей этой части повествования в графическую схему.

Прежде всего, «определяется» триада весьма отдаленных «богопредков». Эол — через Афананта; Гелиос — через Эета; и (через Ино, вторую жену Афананта) — Кадм. Для точности отсчета в дальнейшем следует пронумеровать персонажи: 1 — Эол, 2 — Гелиос, 3 — Кадм.

Вторая триада: 4 — Афанант, 5 — Эет (поскольку его старшая дочь на статус моложе Фрикса), 6 — мужчины нет. Нет и первой женщины этой триады, «одновозрастной сестры» Афананта, но есть две его «сестры-жены»: 5 — Нефела и 6 — Ино.

Третья триада: 7 — Фрикс, 8 — Гелла и Халкиопа, Абсирт-Фазтон («одновозрастный» брат Халкиопы, сын Эета), 9 — Медея, вторая дочь Эета.

Язон, сын Эсона крадет Медею в жены и убивает ее эпигамного мужа-брата, Абсирта (старшего на статус брата Медеи). В центре этого фрагмента другой герой, подобный Фриксу, — Язон. Смысл мнемоники может быть и таким: первый в триаде, если здесь нет ему эпигамной жены, может мирно обрести ее в подходящей чужой триаде, второму в триаде это сделать труднее, самое верное — захватить как добычу, убив того, кто должен стать ее эпигамным мужем (т. е. однозначного с собой по возрасту мужчину из чужой триады). Теперь, отсчитывая от Язона как мужа Медеи, можно «восстановить» и его родословную в системе триад.

Если Медея — 9, т. е. последняя в триаде, то Язон — 8 (где Гелла, Халкиопа и Абсирт-Фазтон). Дед Язона — Кретий, оказывается в триаде «предков-богов», как «одновозрастный» Гелиосу (-2); отец — Эсон, во второй триаде, как «одновозрастный» Эту (5); брат отца — Пелий — 6, т. е. последний во второй триаде. Видимо, передача титула царя Эсоном Пелию позже была истолкована как изгнание Пелием Эсона, а норма испытания Язона «подвигом» — как уловка Пелия, не жалевшего передать власть «законному наследнику» трона отца — Язону. Можно определить

и первую персону в триаде Язона. Это Креонт, отец второй жены Язона — Главксы, которая оказывается старшей женщиной четвертой триады — 10. Креонт — персона интересная. Он был старшим братом отца Амфитриона — «земного» отца Геракла. Таким образом, продолжив отчет по статусам и коленам, можно выйти на миф о Геракле. Если Главкса — 10, то Амфитрион — 11; его жена Алкмена (дочь Электриона — 9) 12; а Эврисфей (Эвфрисей), сын Сфенела (и внук Персея, сына Данаи) 13.

Таким образом, Геракл (Алкид), сын Амфитриона — 11, оказывается 14-ым, т. е. 2-ым в пятой триаде (или колене, социальным «внуком» Язона). Попутно «восстанавливается» статусное положение Персея — 7 и Данаи — 5. Весьма вероятно, что мифическая история Геракла создалась на «следе-фрагменте» особой мнемоники «о правах последнего по реальному возрасту члена старшего статуса по отношению к старшему по реальному возрасту члену смежного младшего статуса», т. е. когда реальная разница в возрасте 1-2 года, а «социальных» — 8 лет, поскольку статусные переходы некогда происходили дискретно — каждые 8 лет.

Можно сказать, что не хитрость Геры и клятва Зевса поставили Геракла в подчиненное положение к Эврисфею, а статусная возрастная разница, т. к. Геракл — 14, был на статус младше. Кроме того, по древней возрастной норме он был «наследником» Эврисфея — 13 и, по достижении 24 лет, должен был сменить его на посту «военного вождя». Многочисленные подвиги Геракла (как и таковые же других героев эпоса) сформировались частично на «элементе» древних мнемоник о необходимости подтвердить формальное совершеннолетие соответствующими делами, а частично отразили изменение (видимо, активное) этой нормы «невыполнимое задание», возникшее как следствие стремления к пожизненному «правлению» и к передаче сана кровнородственному потомку. Миф о Геракле чрезвычайно «спрессован», и его основой служили многие мнемоники и их части. Геракл, как и многие герои и «цари», продлевал свое «царствование» повторным браком: сначала он был женат на Мегаре (-15) — дочери Креонта; затем на Деянире (-16) — дочери Ойнея; и намеривался вступить в брак с Иолой (-17) — дочерью Эврита.

Но это намерение оказалось для него губительным. Несущественно, как это объясняется мифологически, важно другое — Иола была в статусе социальной «дочери» Геракла, т. е. здесь сказалось наложение древней нормы запрета брака на женщине из возрастных групп более младших, чем группа жены, на новый запрет брака с дочерью. По такой же причине и Гилл (-17) — сын Геракла, не мог исполнить предсмертную волю отца — жениться на Иоле (-17), она была его «одновозрастной социальной сестрой».

Миф о Геракле через убийство им сыновей троянского царя Лаомедонта некоторым образом соприкасается с эпическим сказанием о разрушении

Илиона, поскольку в живых остался один из них — Приам. Однако связь эта чрезвычайно сложна, и приходится обратиться к ряду других сюжетов.

Среди аргонавтов был и «юный Пелей», сын Эака и отец Ахилла. Найти «статусное место» Пелея нелегко, т. к. предводитель аргонавтов — Язон, по сути дела выступает в двух «ипостасях»: а) когда похищает Медею — как совершающий «подвиги» 24-летний человек, чтобы стать полностью совершеннолетним, и б) как 48-летний «старец» — глава похода, в котором впервые участвуют и 16-летние юноши.

Если взять вариант (а), то Пелей «попадает» в статусный порядок — 9. В этом случае Ахилл будет — 12, т. е. в статусе Алкмены, матери Геракла. Следовательно, реальнее вариант (б), при котором Пелей будет — 12, а его сын Ахилл — 15, т. е. на статус моложе Геракла (-14). Это подтверждается и статусными соотношениями других героев троянской войны. Ахилл во время похода на Трою был в статусе 16-24, Одиссей в статусе 24–32 года, как и Менелай. Следовательно, Агамемнон был в статусе 32–40, Гектор — в статусе 32–40, Эней — 24–32, а Парис — 16–24.

Таким образом, статусный возраст Приама был 56-64 — внесоциальный старик по древней традиции.

Найти же статусное соотношение героев троянского эпоса с героями мифов можно, анализируя их «легенды».

«Легенда» Приама и Энея, возможно, самая длинная во всем греческом материале, уходит выше первого мифического колена (колена «богов»), к которому относится Трос (-1), еще на два: отец Троса, Эрихфемий, и дед Дардан. Второе колено — сыновья Троса: Ил (-4), Ассарак (-5) и Ганимед (-6). Третье колено: сын Ила — Лаомедон (-7), убитый Гераклом при первом взятии Трои; сын Ассарака — Капис (-8); статус 9 — пуст. К четвертому колону относятся: Приам — сын Лаомедона — 10, и Анхиз — сын Каписа — 11. Старший сын Приама — Гектор (-13), сын Анхиза — Эней (-14), Парис — сын Приама (-15). Иначе говоря, перед нами пример выделения из архаического трехступенчатого кровнородственного «организма» двух генеалогических линейных родов (Ила и Ассарака) с достаточно сильным влиянием традиции «триад» (колено Гектор, Эней, Парис), но и со стремлением освободиться от этой традиции.

Социально-правовая суть «истории» заключается в попытке «уравнять» Париса (16–24) с Энеем (24–32). Для этого Парис похищает Елену, жену Менелая (24–32), статусный возраст которой 16–24, т. е. такой же, как и у него самого. По древней возрастной традиции — это страшное нарушение, подлежащее проклятию, и именно с этим нарушением связано предсказание падения Трои (по логике идеологии древней возрастной традиции).

После похищения Елены (дочери Леды, дочери Тиндарея, отца Полидевка, Кастора и Клитемнестры) ее муж, Менелай, «потерял» полноправие, и под

верховным водительством Агамемнона, старшего брата Менелая, друзья-герои были вынуждены пойти в поход на Трою, чтобы вернуть Менелая его сан. С эпосом о гибели Трои связаны и другие эпические сюжеты, в которых тоже «просвечивают» элементы древних мнемоник.

В «триаде» Агамемнон (32–40), Менелай (24–32) и Парис (16–24) женские «имена» таковы: жена Агамемнона — Клитемнестра 24–32, Елена 16–24. Из этого следует, что Клитемнестра совершила своим вторым браком столь же тяжкое нарушение древней традиции, как и Парис, ибо Эгист был ее одновозрастным социальным «братом» (24–32), будучи сыном Фиеста, младшего брата Атрея (отца Агамемнона), внуком Пелопса и правнуком Тантала (из колена и статуса Ила). Видимо, за это нарушение Клитемнестра и подлежала смерти (месть за убийство Агамемнона — это более позднее добавление, призванное «объяснить» уже совершенно непонятный древний обычай, по которому принято было совершать ритуал-убиение социально важной персоны). В «истории» Клитемнестры так же наблюдается многослойная «спрессованность» мнемонических элементов сюжетной основы. Один из них, видимо, некогда центральный — «что должна делать эпигамная жена «вождя», если он гибнет в самом начале статусного времени своего «правления».

По логике наиболее древних норм социально-возрастного деления, погибшего после некоего «экзамена» (где необходимо проявить высшее воинское мастерство) замещает другой мужчина из той же возрастной группы (даже если он «иноземец», но того же возрастного статуса). После «отслоения» трехступенчатого кровнородственного правового «ствола», где избрание замены невозможно (в каждом статусе один мужчина), а «наследование» в указанных обстоятельствах тоже невозможно, видимо, выход находили в условном повторном браке-ритуале вдовы «вождя» и ее младшего социального «брата». Для Клитемнестры таким мужем-заменителем мог быть мужчина в статусе Париса или Геракла (16–24), который бы условно «правил» за погибшего, чтобы в должный момент передать титул наследнику, т. е. одновозрастному «брату» Клитемнестры, Эгисту.

Другой, аналогичный элемент древней мнемоники, обнаруживается в «истории» Пенелопы, жены Одиссея. Социальный возраст Одиссея во время троянской войны 24–32 (он недавно женился и сначала уклонялся от участия в походе), следовательно «возраст» Пенелопы 16–24, т. е. она последняя в триаде. Одиссей не вернулся из-под Трои. Вступить в новый брак с кем-либо из «женихов», ее одновозрастных социальных «братьев» — совершить великое нарушение традиции. Повторный брак-ритуал возможен только с Телемахом, т. е. с ее и Одиссея сыном. Но и этому уже препятствует, ставший достаточно значимым принцип кровного родства. В этом и причина «верности» Пенелопы. Видимо, ранее было иначе, о чем свидетельствует мнемоническая основа «истории» царя Эдипа. Разумеется,

в мнемонике Лая убивает не Эдип, а его брак с матерью — закономерный вариант решения сложной социальной ситуации. Более того, сами следы мнемоники указывают статусный возраст Эдипа (2–8), поскольку он «побеждает» не в воинских состязаниях, а в состязании «мудрости» со сфинксом, ибо первое нелепо. Следов подобных мнемоник мало, но они все же есть и в легендарном и в историческом материале: Хатшепсут — женщина-фараон в Египет, княгиня Ольга в древней Руси и Мвана Дарини — в средневековом суахилийском государстве Пате. Естественно, что поздними греческими авторами «история» брака матери с сыном, авторами, для которых единственно возможным и существовавшим «от века» были нормы мужского линейного генеалогического правового рода, только и могла восприниматься как «ужасная трагедия».

Сейчас уже можно с полной уверенностью сказать, что методом соответствующего анализа можно максимально расширить «круг» мифических и эпических (да и раннеисторических) материалов со следами и фрагментами древних и архаических мнемоник, но это — уже другая задача и иной объем. Можно только прибавить несколько «побочных» предположений, связанных с древнегреческой мифологией и эпикой, как, например, следующие.

Вероятно, что во время борьбы новой кровнородственной традиции права и старой, с возрастным делением и классификационно-социальным родством, один из близнецов считался потомком «бога». Нередко последний мужчина в триаде считался сыном «богини», что, возможно, связано с началом процесса превращения «вертикальных» связей линий триад в норму самостоятельного права линейного рода, поскольку он шел не как расхождение или распадение связей (эпигамный брак) трех «вертикалей», а с активным упразднением третей «вертикали», через норму двухступенчатого «ствола», к отдельным экзогамным линейным родам (достаточно следов вроде «историй» Ганимеда, взятого Зевсом из триады братьев — Ил, Ассарак, Ганимед — в виночерпии на Олимпе). Под влиянием все более и более значимого кровного родства последний мужчина триады как бы объективно попадал в «безбрачие» (т. е. лишался полноправия) из-за нарастающего запрета брака с кровными родственниками, т. к. по древней традиции эпигамной женой младшего из колена «отцов» была старшая из колена «детей» (социальная «дочь») женщина из смежной младшей возрастной группы в их непрерывном «потоке». Видимо, и «легенды» о браке смертного и «богини» появились очень поздно, в связи уже с необходимостью приписывать происхождение реальных родов к «древним» предкам, и в том случае, когда такой «предок» не мог оставить потомства в мифах или эпосах.

Даже в этом незначительном по объему использованном материале можно увидеть, что процесс утраты традиций жестких эпигамных браков

и переход к «разомкнутой» экзогамии шел стадийно. Промежуточная стадия характеризовалась необходимостью учитывать при браке в чужом «роду» традиционное соответствие условного возрастного статус мужа — таковому жены. Выводы сводятся к следующему.

Социально-организующие правовые мнемоники доклассового общества ареала древнегреческой культуры (сюжетная основа мифологии и эпоса), возникнув как простые перечни порядка следования «тотемических имен» возрастных социальных сечений и отражавшие первоначальные нормы взаимоотношений реальных возрастных групп и колен, имели вторую стадию развития, где они в сюжетной форме (и будучи персонифицированы) отражали сложные правовые «комбинации», возникавшие в связи с выделением и отделением трехступенчатой системы кровнородственного социального права.

Показанная здесь возможность проследить «нити», связующие в общую традицию персонифицированные частные «генеалогии», может указывать на то, что «могучее древо» единой мнемонической традиции архаического права в этом культурном ареале, возможно, было создано на основе устной реально-исторической памяти, что отразило и реальный процесс разделения древнего «этноса» на отдельные «племена», и политические отношения между ними за период около 3–4 сотен лет (до разрушения Илиона, если эту дату действительно можно установить по шкале абсолютного времени). Мифы же и эпические сказания в их литературной (устной и записанной) форме имели уже только этико-моралистическое социальное значение. Что касается значения сохранившихся фрагментов архаических мнемоник, то их роль для этно-социальной истории (вместе с иным аналогичным материалом) необычайно велика. Эти следы дают возможность утверждать, что и сама «идея» кровнородственных связей для организации общественных правовых отношений, и первичные формы, в которых она проявилась, не были явлениями первичного социума доклассового общества, а возникли только в связи с началом правового и имущественного расслоения. Системам кровнородственных отношений и связей предшествовала (и имела свое начало и развитие) социально-организующая система возрастных делений и классификационного «родства». Столь широкий вывод сделан не только на приведенном здесь материале, но именно древнегреческие данные были решающими для Г.Л.Моргана, когда он считал кровнородственный коллектив первичной моделью социальной организации людей. Произошло это по той причине, что Морган для своих теоретических построений пользовался античными литературными материалами и не учел принадлежности этих материалов, даже самих древних, обществу, хотя и ранне-, но все же классовому, т. е. обществу, где уже господствовал кровный генеалогический линейный мужской род. Из цитаты, где мудрый старец Нестор дает советы Агамемнону («Построй воинство по филам и фратриям...», латинский

текст: «Построй воинство по трибам и куриям...»). Морган как бы «извлек» принцип древней терминологии — он назвал «племя» (т. е. по его представлениям группу эндогамных кровных родов) латинским словом *триба*, а связь между «близкими» родами (*гене*) внутри «племени» — греческим словом *фратрия*, предполагая, что вся система развилась вследствие последовательного деления «первичного рода» (как результат его разрастания) на две, потом на четыре, на восемь и более групп *фратрий*, и каждое такое «разрастание» создавало племя.

Но можно и иначе посмотреть на содержание «мнемоники Нестора», найти ее архаический смысл. Тогда получается: *фратрия* — это «колено» (точнее, в условиях боевого построения мужчины возрастных статусов 16–24, 24–32 и 32–48), а *филами* именовались они по принадлежности к локальным коллективам, *демам* (поселениям), *полисам* (этносам) — в зависимости от масштабов сражений. В латинском тексте соответственно: *триба* — колено, *курия* — то же колено по локальной принадлежности [возможно, что латинский перевод сделан много позже — использовано слово, некогда обозначавшее не три возрастных группы воинов, а три статуса трехступенчатой кровно-возрастной схемы: 1–8, 8–16, 16–24 или 24–32, 32–40, 40–48. Это могло произойти и потому, что в войне принимали участие три возрастных группы (16–24, 24–32, 32–40)]. Во всяком случае, создавалась разумная структура войска: первый ряд — неженатые молодые воины из разных *фил* (*курий*), второй ряд — молодые женатые воины из тех же *фил* и в том же их порядке, и третий ряд — старшие воины тех же *фил*. Действительно, здесь «каждый родственник поддерживал родственника», по горизонтали — по социальному возрасту, а по вертикали — по локальной принадлежности.

Примечание: Многократное повторение жестких статусных годовичных диапазонов может показаться чем-то вроде «прокрустова ложа», тем более, что речь шла о разных временах, пространствах и культурах. Но все дело в том, что мерилom статусных диапазонов была социально-усредненная протяженность человеческой жизни, разделенная любым обществом той же стадии развитости на нужные этому обществу «отрезки», в которых группируются способные делать ту или иную «работу». Эти деления есть и сейчас: детство, юность, молодость, зрелость, старость. Поныне, кроме школьного и призывного возраста, они не регламентированы в календарном возрасте. Если мы возьмем за современный социально активный цикл жизни «усредненного» мужчины возраст от 7 лет до 60, то тоже получим число лет около 50. Разделив это число на пять означенных возрастных состояний, мы получим 10, т. е. число лет в одном возрастном статусе для современного человека, а если начать не от школы — то 12 лет. Такой диапазон статуса встречается довольно часто в поздних материалах, но его происхождение иное — это получается, когда образуется из трехступенча-

той двухступенчатая схема династийного кровнородственного правового «коллектива». В этом случае традиционное правовое время «колена», 24 года, делится между двумя братьями-правителями. Но наиболее часто в старинных и архаических материалах так или иначе обнаруживаются цифры близкие к 8, т. е. 7, 9, 10. Причины «неточности» могут быть разные, но главных — две: либо учитывается (или не учитывается) ритуальное время, либо сбой происходит вследствие переноса традиционной (по природным признакам) меры времени на календарное. Если разрозненные цифры встречаются достаточно часто (хотя их отношение к возрастным диапазонам не всегда заметно), то материалы, где бы прямо это указывалось, крайне ограничены.

Мне известны только две четкие записи. Вторая по времени — современная, это глава в кандидатской диссертации Христофера Киебела Барикумы, африканца из маленького народа огони, живущего на одном из рукавов дельты Нигера. Он сообщает, что дети огони с 3-летнего календарного возраста перестают принадлежать физической семье и становятся «детьми деревни». Первый статус длится 8 лет, он делится на две половины, следующие 8 лет — также. С 17 лет начинается статус подготовки к деятельности взрослого члена общества. Цифры последующих возрастных состояний уже не стройны. Первая же по времени — это запись эфиопского монаха Бахрея — «Хроника (или История) галла-оромо конца XVI века». Этот документ более полный и более сложный. Там возрастной статус также длится 8 лет, группы сохраняют единство и свое «имя» до 48 лет. Особая ценность сведений в том, что общество галла-оромо было несомненно доклассовым.